

от 19 ЯНВ. 41 г.

Москва

Газета №

346 КНИГА И ЖИЗНЬ

Жизнь и творчество Н. Островского, автора романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», изучают литературоведы, критики. О нем пишутся статьи, исследования, поэмы. Но есть, кроме того, у советских людей, простых читателей, свой Островский, свое какое-то одно место в его романе, где сказано именно для тебя и о тебе. Это место знаешь наизусть, оно, войдя в сознание, крепко запомнилось и никогда не забудется. Я знаю это по собственному опыту и по опыту других людей — читателей «Как закалялась сталь».

Со своими любимыми строчками я впервые познакомился на больничной койке шахтерской больницы в Макеевке, после операции над моими раздробленными голеними.

Главный врач хирургического отделения, высокий, грузный и очень добрый, но старающийся прикрыть свою доброту напускным суровым видом, Никита Елисеевич Чаллыгин подошел к изголовью моей койки и, наклонившись, произнес: — Ну вот, наконец, вы очнулись. Жить будете, за это теперь ругаюсь. Поправляйтесь и готовьтесь к жизни на новых условиях.

Он говорил весело, с улыбкой, но глаза выдавали его. В уголках их я ясно прочел и сожаление об искромсанном человечьем теле и какую-то виноватость, что именно он руководил операцией, резал, зашивал.

Новые условия заключались в том, что я потерял 75 процентов физической трудоспособности человека.

Трудно передать чувства и мысли, которые охватили меня, когда этот факт дошел до сознания и полностью завладел им.

Когда я сейчас, через два года, вспоминаю о том, что я думал в те дни, лежа на больничной койке, о своей жизни, о ее перспективах, краска стыда заливает мои щеки.

Впервые со всей остротой я почувствовал этот стыд, когда закрыл последнюю страницу затертой, замусоленной шахтерскими руками книги Островского «Как закалялась сталь», принесенной сестрой-хозяйкой из больничной библиотеки.

Странная по внешности была эта книжка, и не раз главный врач отделения грозил выбросить ее, но больше прятал книгу в матрацах, подушках, а прочитав,

передавали друг другу, не возвращая в библиотеку.

Сестра-хозяйка, разносившая книги по палатам, просила дать книгу хотя бы на день, чтобы привести в порядок, заменить переплет и приклеить некоторые листы, но мы считали сестру «сообщницей» главного врача, подосланной с целью вырвать из рук больных книгу, и сами клеили ее разжеванным хлебом или коллодием.

Правые края страниц ее были совсем черные, и почти на каждой странице разными карандашами были подчеркнуты слова, фразы, местами целые страницы.

Это большие шахтеры, металлурги соглашались с Островским, черпали в нем силы для борьбы с болезнями тела и ослабшей волей, беседовали с автором, как с живым человеком:

— Молодец, Корчагин! Правильно!

— Герой! По-рабочему решал — не хныкать, а драться до последнего вздоха.

— Браво, Павка!

— Я тоже так думаю.

— Товарищи! Учитесь у Павла Корчагина, как надо жить и бороться за рабочее дело.

— Спасибо от забойщика, Островский! Хотя Никита Елисеевич и обкарнал меня немного, все же я на что-нибудь и приложусь! Повоем еще!

Там же, на 506-й странице, я подчеркнул 13-ю и 14-ю строки сверху, свои строчки:

«Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Героический образ большевика-писателя, волю которого не сломали невероятные тяжести личной судьбы, встал перед моими глазами. Он прогнал уныние, очистил мысли и горячими, простыми словами спрашивал:

— А ты? Все ли ты сделал, чтобы вырваться из железного кольца, чтобы вернуться в строй, чтобы сделать свою жизнь полезной?

Мне стало стыдно так, как никогда не бывало в жизни. Увы! Находясь в лучшем положении, чем Корчагин, имея большие возможности для этого, я, еще не предприняв ни одной серьезной попытки в этом направлении, опустил руки.

И книга дала мне то чего не сумели внушить родственники и друзья: волю к жизни, к борьбе в новых условиях, желание быть полезным людям, семье, стране.

Сколько еще раз, после неудач на новом пути, меня оживляли и бодрили неуязвимые, живые строчки и образ Павла Корчагина!

После я встречал и встречаю много людей в своем положении, в худшем или лучшем. И когда заходит разговор о жизни людей, потерявших свою трудоспособность, как это констатируют врачи и пенсионные книжки, на 50, 75, 80 процентов, эти люди говорят:

— Это по мнению врачей, а по Островскому...

И называют свои новые профессии, цифры заработка, показывают почетные грамоты, отзывы организаций об их честной работе.

Их заставил жить, работать, приносить пользу семье и стране образ Павла Корчагина, в котором воплотил себя, свое отношение к жизни и смерти Н. А. Островский.

В заключение мне хочется высказать на страницах газеты советских писателей одно пожелание: хорошо бы собрать и издать книгу рассказов советских людей о замечательном писателе-большевике.

С. БЕЛИКОВ

г. Макеевка